[35] Там же. С. 73.
[36] *Шашкевич П. Д.* Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени. М., 1976. С. 43—44.
[37] *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 267.
[38] Там же. С. 268.
[39] Там же. С. 269—270.
[40] *Шашкевич П. Д.* Указ. соч. С. 43.
[41] См.: *Бакрадзе К. С.* Указ. соч. Т. IV. С. 66—67.
[42] *Киссель М. А.* Судьба старой дилеммы. М., 1974. С. 96.
[43] *Бэкон Ф.* Соч. Т. 1. С. 73.

КАКИЕ ИДЕАЛЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ ИМЕЮТ ЦЕННОСТЬ СЕГОДНЯ?

А. Л. Субботин

«Какие идеалы Просвещения имеют ценность сегодня?» — такова одна из тем на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне в 1988 г. Самый короткий ответ на этот вопрос мог бы быть однословным: многие. Обстоятельный, возможно, потребовал бы целой книги. Действительно, разве не должны мы ценить принципиальную идейную борьбу мыслителей века Просвещения против религиозной нетерпимости, борьбу за секуляризацию человеческого сознания и социальных институтов; ценить сегодня, в нашем мире конца XX в., который являет примеры религиозного фанатизма, напоминающие разве что самое мрачное средневековье? Разве в наш век интенсивного научно-технического развития не должны мы ценить то высокое доверие к человеческому разуму, к науке и технике, которым отмечена философия века Просвещения, помня, что именно в этом веке сложились основные понятия современного научного мировоззрения? И разве не должны мы при этом помнить мудрый урок великих просветителей, которые, обращаясь к человеческому разуму и поощряя всякого рода рационализм, вместе с тем указывали на важность гуманного и нравственного воспитания молодежи, несомненно представляя себе, что может в мире натворить и во что может человека превратить аморальный разум? Разве в наше время, когда еще попираются гражданские права, существуют деспотические режимы и бесчинствует расизм, не актуально учение просветителей о равенстве всех людей перед законом и перед человечеством? И разве сегодня, когда в сознании людей кошмар фантастического Страшного суда померк перед кошмаром возможности реальной ракетно-ядерной войны, мы не нуждаемся в тех идеалах гуманности, в той вере в совершенствование человека и в прогресс человечества, которые подарил нам век Просвещения? Но этот век оставил нам еще одно наследие, имеющее самое непосредственное отношение к главной проблеме нашей жизни, вопросу всех ее вопросов — мирному сосуществованию государств на планете

Земля. .И я думаю, что из всего, чем был так богат век Просвещения, сегодня наибольшую ценность имеет его идеал вечного мира.

Правомерно ли обращаться к прошлому в связи с проблемой, которая встает сегодня в контексте иных, чем в XVIII в., социально-экономических и военно-технических реальностей, встает с беспрецедентной для всей истории человечества остротой и настоятельностью своего безотлагательного решения? Правомерно, потому что существует преемственность научной, идейной и нравственной информации; потому что отказаться от понятий, идей и идеалов, уже выработанных философской мыслью, означало бы признание того, что вся эта работа шла впустую, что в философии не было истины и что истину еще только предстоит открыть, причем безо всякой предшествующей тому подготовки. Иначе зачем вообще задаваться вопросом: «Какие идеалы Просвещения имеют ценность сегодня?». Он не имел бы смысла. Между тем вряд ли в прошлой истории было время столь же богатое идеями, проектами, программами установления международного мира, как то, которое мы именуем веком Просвещения. Эти идеи и проекты мы находим в начале века Просвещения, ими он завершается, их же передает последующим векам.

В основе пацифистских идей и проектов просветителей лежала концепция естественного права. Естественное право отличали от положительного права, или права, принудительно установленного человеческими законами, тем, что оно с очевидностью признается светом разума и обязательно в силу одной только этой очевидности, тогда как положительное право обязательно в силу наказания, установленного санкцией положительного закона за его нарушение, и признается лишь вследствие указания закона. Положительное право часто не совпадает с естественным, ограничивает его потому, что человеческие законы не столь совершенны, как законы природы, потому, что они издаются порой под влиянием таких мотивов, справедливость которых не всегда признается просвещенным разумом. В обилии несовершенных и противоречивых законов, принятых у разных народов и в разные времена, просветители видели доказательство того, что положительные законы часто уклоняются от естественного порядка и общечеловеческих правил справедливости. Под естественным правом, таким образом, понималась совокупность законов, которым подчиняется человеческое поведение, дабы быть наиболее полезным для человеческого рода. Совокупность этих законов и составляла то, что называли естественным законом или законом природы, считая, что он должен быть неизменным руководством для всех людей и для всякой власти.

Из таких представлений исходил в своей политической философии и Джон Локк. Имея в виду естественные законы, он указывал, что основным законом природы является сохранение

человечества и поэтому никакая человеческая санкция не может быть благодетельной и обоснованной, если она ему противоречит. У Локка закон природы отождествлялся с законом разума и в конечном счете коренился в божественной воле. Однако и последующая за Локком материалистическая философия Просвещения, которая отказалась от понятия бога, продолжала считать, что именно разум дает человеческому роду законы, называемые естественными, поскольку они определяются нашей природой, вытекают из нашей сущности, из любви к жизни, из нашего стремления сохранить ее, из непреодолимого влечения, которое мы испытываем ко всему полезному и приятному для нас, а также из нашего отвращения ко всему, что нам неприятно или вредно. Эти простые, ясные и всем понятные естественные законы рассматривались как фундаментальные принципы, долженствующие регулировать человеческую практику, в том числе и политическую — тезис, который в наш ядерный век уже никто не может игнорировать.

Представление о законе природы было положено Локком в основу его договорной теории возникновения государства, согласно которой государство призвано защищать естественные права людей и прежде всего их право на жизнь. Однако эту теорию можно экстраполировать и на межгосударственные отношения, что и сделал Уильям Пенн, младший современник Локка, один из самых замечательных деятелей английской народной реформации второй половины XVII в. Поборник безусловной веротерпимости и широкой политической свободы, Пенн не только был вдохновлен религиозной доктриной квакерства, но и черпал свои аргументы из концепции естественного права. Он считал, что люди, исходя из того же принципа, который побудил их создать общество, из любви к миру и порядку должны создать союз государств. Такой союз оберегал бы всеобщий мир и в то же время защищал бы интересы каждого из своих членов. И поскольку мир поддерживается силой права, в этом союзе должны быть установлены правовые нормы, соблюдаемые всеми правительствами — членами союза, и предусмотрены санкции по отношению к их нарушителям. Свой проект Пенн изложил в сочинении «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств». Его Пенн написал, будучи руководителем квакерской колонии в Северной Америке, в области, ранее именовавшейся Новыми Нидерландами, а теперь полученной им в наследственное владение в качестве лена английской короны и названной Пенсильванией. Пенн беспокоился о сохранении мира в Европе, которая была очагом непрерывных войн. Живи он сегодня, он, конечно, говорил бы о мире и в других частях света, в том числе и в самой Америке.

Но призывы к установлению вечного мира слышались не только из-за океана. В сердце Западной Европы, во Франции, с аналогичным проектом выступил Шарль Ирине де Сен-Пьер.

Он указывал, что между народами Европы господствуют несовершенные социальные связи, что самые общие естественные узы, объединяющие человечество, крайне слабы, и что это состояние неуправляемости, постоянных конфликтов и войн, порождаемое абсолютной независимостью государей, можно превратить в общее благоденствие, создав конфедерацию государств и утвердив в их взаимоотношениях вечный мир. Для создания такого устойчивого политического института, объединяющего европейские государства, необходимо, чтобы конфедерация была всеобщей, чтобы ни одна значительная держава не уклонилась от участия в ней; чтобы в ней существовал судебный трибунал, полномочный издавать уложения, которым должны подчиняться все ее члены; чтобы каждое государство, входящее в конфедерацию, действовало согласно общей воле сообщества; чтобы сообщество было прочным, способным помешать своим членам выходить из него, даже если они сочтут, что их частные интересы вступают в противоречие с общими интересами союза.

Как и в трактате Пенна, в «Проекте вечного мира в Европе» Сен-Пьера содержались предложения, касающиеся и формы организации такого союза, и порядка работы его органов. Договор об учреждении конфедерации государств предусматривал создание постоянного совета или конгресса конфедерации, долженствующего разрешать абритражем все возможные разногласия между договаривающимися сторонами, порядок представительства в этом совете различных государств и их финансовые обязательства перед конфедерацией. В нем определялись те случаи, которые следует рассматривать как нарушения союзниками договора (отказ выполнять решения суда конфедерации, подготовка к войне против одного из союзников, заключение союза, противоречащего законам конфедерации, или военное противостояние ей), а также санкции по отношению к государству-нарушителю вплоть до военного нажима объединенными силами конфедерации. Договор предусматривал и право издания советом законов, обязательных для всех членов союза.

Очень характерным для проекта Сен-Пьера было включение в договор статьи, которая гарантировала каждому из государей — членов конфедерации владение и правление в том государстве, которым он владеет и управляет, равно как и выборную или наследственную преемственность власти согласно законам и традициям каждой страны. Таким образом, конфедерация не только защищала бы его от иноземного агрессора, но и обеспечивала бы власть государя от любого возмущения его подданных. Новый мирный порядок в Европе предполагал status quo в социальной и политической организации членов конфедерации. Заинтересованный в поддержке власть имущими его проекта, Сен-Пьер, как мы теперь понимаем, обошел одну из самых трудных проблем, с которой сталкиваются все усилия по поддержанию всеобщего мира, — проблему создания стабильной мировой системы из динамичных элементов, мирного и устойчивого международного сооб-

щества, не исключающего изменения социального и политического строя своих членов, как известно всегда чреватого неизбежными конфликтами.

При этом Сен-Пьер полагал, что создание конфедерации и установление вечного мира зависит исключительно от воли и согласия суверенных правителей и главная задача, которую надо решить, — это преодолеть их сопротивление. А это возможно, так как, с какой стороны ни посмотреть, именно мир соответствует их интересам и нужно только помочь им осознать всю пользу, которую он принесет; ведь разумно предположить, что воля суверенов согласуется с их интересами. И Сен-Пьер с великим упорством, с поистине мессионерским рвением пропагандировал свой проект, невзирая на все насмешки, унижения и оскорбительное непонимание.

Именно это положение, что установление вечного мира будет полезно суверенным правителям, этот тезис, который Сен-Пьер считал доказанным, поставил под сомнение Жан-Жак Руссо. Высоко оценивая проект Сен-Пьера, он вместе с тем обращает внимание на невозможность его осуществления в условиях тогдашних абсолютистских монархий. Он указывает на несовместимость стремления к вечному миру с политическими амбициями монархов и их министров, их деспотическими наклонностями, желанием исключительных экономических выгод и постоянными территориальными притязаниями. Легко понять, писал Руссо, что войны и завоевания, с одной стороны, и прогресс деспотизма — с другой, взаимно содействуют друг другу; что в рабски покорном народе можно вдоволь черпать деньги и людей, чтобы порабощать другие народы; что со своей стороны война создает предлог для финансовых поборов, а также не менее серьезную возможность иметь всегда под рукой большие армии с целью удерживать народ в повиновении. Только изменения во внутренней общественной и политической жизни европейских стран могут подготовить эти страны к вступлению в международный союз ради утверждения всеобщего мира — таков вывод, который следует из анализа предпринятого автором «Суждения о вечном мире».

Если Руссо, критикуя проект Сен-Пьера, связывал возможность образования Европейской лиги и установления всеобщего мира между государствами с необходимостью изменения по крайней мере их внутренней политики, то Иоганн-Готфрид Гердер, имея в виду уже идеи Канта, полагал, что для достижения вечного мира необходимо прежде всего нравственное перевоспитание людей, повсеместное распространение чувства справедливости и человечности. Без такого воспитания в духе отвращения к войне и ложному патриотизму, самодержавному произволу и интриганской политике, без доброжелательного и справедливого отношения к другим народам никакое соглашение между государствами не будет служить гарантией мира. В этой связи Гердер в своих «Письмах для поощрения гуманности» указывал, что дело защиты мира должно стать делом самих народных масс, или, как он выражался, союза всех просвещенных народов,

направленного против любой агрессивной державы. На такой союз, считал Гердер, можно рассчитывать скорее, чем на соглашение кабинетов и дворов, которые в конце концов будут вынуждены подчиниться голосу народов.

Венцом, итогом всей миролюбивой мысли Просвещения был, конечно, трактат «К вечному миру» Иммануила Канта. В трактате были учтены и идея договорного происхождения союза государств Пенна, и вывод Руссо о невозможности мирного сосуществования деспотических режимов; первая дефинитивная статья вечного мира трактата требовала, чтобы строй каждого вступившего в союз государства был республиканским, а не деспотическим. Состояние мира не есть, по Канту, естественное состояние народов; последнее, наоборот, есть состояние войны, если и не беспрерывных враждебных действий, то постоянной их угрозы. Не из изначального чувства миролюбия, не по врожденной доброй воле, а по необходимости, вынужденные самой борьбой, самой взаимной враждой, «недоброжелательной общительностью», горьким опытом войн, придут руководители государств к установлению всеобщего правового состояния. Таков закон, который, по мысли Канта, приведет к организации союза свободных и суверенных государств, союза, который имеет целью не приобретение власти государства, как это намечалось в проекте Сен-Пьера, а лишь поддержание и обеспечение свободы каждого союзного государства. Это будет не международное государство, не мировая республика, а союз народов, устраняющий между ними войны, — союз, постоянно существующий и расширяющийся за счет включения в него новых народов, сдерживающий враждебные склонности при наличии, однако, постоянной опасности их проявления, ибо вечный мир — это не то, что враз достижимо, и не то, что можно сохранить без постоянных усилий.

Новым в трактате Канта, по сравнению с предшествующими проектами просветителей, было сформулированное в третьей дефинитивной статье вечного мира право всемирного гражданства. Это право как естественное право посещения всяким любого места на Земле, поскольку земная поверхность находится в общем владении всех людей, должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства. Последнее исключает как любые колонизаторские устремления, так и противоправные акции по отношению к чужеземцам. И Кант решительно осуждал европейских колонизаторов, которые так высоко ставят дело благочестия и, дыша несправедливостью, как воздухом, желают считаться избранными. Он указывал, что тесное общение между народами развилось настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Строго говоря, Кант не был первым из просветителей, кто выступил против колониализма. Незадолго до публикации трактата Канта английский философ Иеремия Бентам написал сочинение «План всеобщего и вечного мира», в котором, исследуя причины войн, пришел к выводу, что одна из них — это существование колоний, и доказывал, что его отечество должно

отказаться от них. Но трактат Беитама был издан лишь в 1843 г., и Кант, конечно, его не знал. Всю справедливость положений Канта подтвердило наше время. Одна из главных причин нежизнеспособности Лиги Наций, первой в истории организации государств, созданной ради поддержания всеобщего мира, коренилась как раз в том, что среди ее членов, причем влиятельных членов, были и государства, хотевшие сохранить свои колониальные владения, и государства, жаждавшие колониальных захватов. Напротив, поскольку ООН провозглашает в качестве принципа своей деятельности ликвидацию колониализма, эта организация обладает и соответствующим запасом прочности.

Я не буду далее излагать идеи кантовского трактата, хорошо известного философам. Отмечу только, что предложенная Кантом программа установления мира во многих своих положениях актуальна по сей день. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к кантовским прелиминарным статьям вечного мира, формулирующим сами условия, при которых становятся возможны мирные отношения между государствами.

Уже нет режимов абсолютистской монархии, в которых Руссо видел главное препятствие делу установления всеобщего мира. Существуют и действуют международные и национальные общественные организации борцов за мир, к созданию которых призывал Гердер. Дважды в нашем столетии возникал союз государств ради поддержания международного мира и безопасности — союз, о котором по-своему мечтали Пенн и Сен-Пьер. Однако его эффективной деятельности препятствовало и препятствует, в частности, и невыполнение тех условий вечного мира, которые имел в виду Кант. Версальский договор, которым завершилась первая мировая война, был заключен в вопиющем противоречии с кантовской прелиминарной статьей, гласящей, что ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении была сохранена скрытая возможность новой войны. И Версальский договор действительно способствовал всему тому, что, парализовав деятельность Лиги Наций, привело к новой, второй мировой войне. До сих пор, хотя ООН существует уже более 40 лет, не выполняются прелиминарные статьи: о постепенной ликвидации постоянных армий, о запрещении использовать государственные долги во внешнеполитической борьбе, насильственно вмешиваться одним государствам в дела правления и устройства других государств, а также прибегать к таким средствам, которые делают невозможным взаимное доверие между ними. И если бы Кант был сегодня среди нас, он повторил бы свои слова, что государства должны поразмыслить над положениями философов об условиях осуществления всеобщего мира, быть может добавив при этом, что и нынешним философам надо бы поактивнее участвовать в разработке таких положений.

Говоря об общей концепции мира у Канта, важно указать и на то, что она отмечена сведением политики и морали, которые в европейском политическом сознании были разведены еще со

времен Макиавелли. Стремление к вечному миру и употребление всех средств для его достижения есть, по Канту, непременный долг каждого человека. Это категорический императив практического разума. И дело не в том, чтобы обсуждать, является ли вечный мир реальностью или утопией, а в том, чтобы поступать так, как если бы вечный мир являлся реальной целью,и направлять все наши усилия к его достижению, равно как и к осуществлению того порядка, который является для него наиболее подходящим. И если бы даже полное достижение такой цели осталось навсегда лишь добрым пожеланием, то и тогда мы не ошиблись бы, непрестанно и настойчиво работая для ее осуществления, ибо это есть наш долг.

Да, это есть наш долг. Это есть наше дело, ныне в тысячу раз более настоятельное, чем когда-либо, ибо сегодня оно стало в буквальном смысле делом спасения рода человеческого. В этом деле нашим союзником должна стать история, вся история, включающая и горький опыт ушедших поколений, и их не воплощенную в жизнь мудрость. В этом деле нашими союзниками, идейными союзниками, должны стать и все те, кто, поднявшись над сонмом политических прагматиков, еще столетия тому назад видел в установлении всеобщего мира ту неотложную, первостепенную задачу, которую должны наконец решить народы и правительства.

ИОГАНН ГОТЛИБ ФИХТЕ И ЖАН-ПОЛЬ РИХТЕР

Н. В. Громыко

«Филиация» идей, знания не происходит напрямую от человека к человеку, от поколения к поколению. Прежде чем найти свое отражение в человеческом сознании, идеи сначала фиксируются в текстах. Особенности такой фиксации, как и особенности дальнейшего восприятия текста, тесно связаны с тем или иным типом мышления. От того, был ли найден контакт между представителями разных типов мышления, зависит и последующая судьба идеи — то или иное ее толкование.

Памфлет Жана-Поля «Ключ к Фихте, или Лейбгебериана» («Clavis Fichtiana seu Leibgeberiana»), объектом сатирического осмеяния которого стала работа Фихте «Основа общего наукоучения» (1794), является, на наш взгляд, уникальным сочинением, поскольку оно отразило в себе особенности сразу двух типов мышления — художественного и философского. Причем не в их контакте, а в их конфликте.

Памфлет, по словам самого Жана-Поля, был задуман как «сатира и опровержение» (из письма Жана-Поля к Отто от 20 декабря 1799 г.) [1] Чтобы опровергнуть Наукоучение, Жан-